

юзной переписи населения. Также массово-разъяснительная работа проводилась в период предварительного обхода счётчиками на своих участках.

Успешное проведение переписи населения 1979 г. во многом зависело от понимания населением страны целей и задач переписи, ее значения. В частности, из документов Национального архива Республики Коми следует, что отсутствие разъяснения населению целей и задач предшествующих переписей приводило к получению неполных и недостоверных демографических данных. Поэтому при подготовке к переписи 1979 г. и в период её проведения значительное внимание уделялось разъяснительной работе, что позволило добиться чётких и достоверных ответов.

¹ Всесоюзная перепись населения 1979 г.: Сб. ст. / Под ред. А.А. Исупова, Н.З. Шварцера. – М.: Финансы и статистика, 1984. – 232 с.

² Центральный государственный архив республики Коми (ЦГА РК).Ф.Р-140. Оп. 4. Д. 610. Л. 263

³ ЦГА РК. Ф. Р-140. Оп. 4. Д. 608. Л. 58

А. С. Козлов

Уральский государственный университет

МЕТОДИКИ СОВРЕМЕННОЙ ПРОСОПОГРАФИИ ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ И ВИЗАНТИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

На сегодняшний день наиболее яркими, хотя по успеху и значимости далеко не единственными, результатами просопографических изысканий в сфере поздней античности и византистики являются, с одной стороны, трехтомник «The Prosopography of the Later Roman Empire» (PLRE) А. Джонса – Д. Мартиндейла (Кембридж, 1971–1992), а с другой – двенадцатитомник «Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit» Э. Трапп, Р. Уолтера и др. (Вена, 1976–96) и семитомник «Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. Erste Abteilung (641–867)» Ф. Винкельмана, Р. Лили и др. (Берлин, Нью-Йорк, 1998–2002). Для лектронного ряда подобных штудий наиболее показательны «Prosopography of the Byzantine Empire. I, 641–867» Д. Мартиндейла и Д. Смизе (Эшгейт, 2001) и онлайн-проект «The Prosopography of the Byzantine World» (PBW), вторая редакция которого под патронажем Королевского Колледжа (Лондон) и Совета по искусствоведческим и гуманитарным исследованиям (Бристоль) взяла старт в декабре 2006 г.

Генетически большинство подобных проектов восходят к плану просопографических исследований (в две с половиной страницы), представленному Т. Моммзеном 31 марта 1874 г. на пленарном заседании Прусской

Академии наук (*Prosopographia Imperii Romani*)¹. А. Джонс, начав реализацию идеи Моммзена и наработок последователей великого немецкого антиковеда в 1950 г. при спонсорстве Британской Академии, создал базу данных для знаменитой PLRE, второй и третий том которой пришлось формировать Д. Мартиндейлу в сотрудничестве с Д. Моррисом. В целом проект курировался комитетом Академии под руководством разных специалистов – как антиковедов, так и византинистов.

В 1980-е гг. в рамках Академии было выработано решение о продолжении работы применительно к византийскому материалу под руководством Роберта Браунинга, а в 1993 г. принято соглашение о сотрудничестве при развитии проекта с Берлинско-Бранденбургской Академией наук. Результатом сотрудничества явились публикации упомянутых выше томов «Просопографии средневизантийского времени», а также электронной «Просопографии Византийской империи» (PBE), которая рассматривается сейчас как первая фаза работы над PBW. В отличие от процедуры, принятой в PLRE (она не предусматривала включения в издание того, что именуется *Christian material*, оставляя его для обработки другим специалистам), византиноведческая просопография стремилась к учету всех известных в истории империи лиц, как светских так и духовных, и сделать это в легко понимаемой и доступной для поиска данных форме.

Базой PBE, однако, оставались статьи о персоналиях, излагающие как можно более полные первичные свидетельства источников о жизни и деятельности людей, с минимумом редакционно-корректирующего вмешательства. CD-Rom PBE рассматривался его создателями как временная публикация, что подразумевало характеристику финала проекта как полную реляционную базу данных с более широкими хронологическими рамками охвата материала. Развивающим это направление проектом и стал онлайн-проект PBW. Техническое обеспечение базы данных было возложено на экспертов Центра компьютеризации гуманитарных наук Королевского Колледжа (Лондон) под руководством Гарольда Шорта. С 1988 г. работа финансировалась Правлением (сейчас Совет) искусствоведческих и гуманитарных исследований, одновременно получая поддержку Британской Академии. В качестве руководителей проекта Д. Мартиндейла сменили М. Джефрис, Д. Смизе и Т. Папакостас. Отличительной чертой работы составителей проекта стала концентрация на данных периода, начинающегося с 1025 г. Переименование проекта в PBW, кроме всего прочего, обуславливалось обширностью географического пространства привлекаемых персоналистских реалий, которые сопрягались с рамками XI и XII вв.

Показатели цели той традиции, которая была заложена в просопографических корпусах истории поздней античности и Византии, так или иначе проявлялись в формах, которые подразумевали, что Поздняя Римская империя, Византия и источники, ими порожденные, являлись *an unprob-*

lematic identity². В частности, в буклете, сопровождающем первый компакт-диск PBE, отмечено: «Просопография Византийской империи стремится зафиксировать всю сохранившуюся информацию о каждом человеке, упомянутом в византийских текстах, а также, насколько это возможно, о людях, зафиксированных в таких источниках как печати, для периода 642–1261 гг.»³

Поскольку подобные цели охватывают персональные реалии, относящиеся к весьма обширным и принципиально отличающимся друг от друга периодам имперской истории Средиземноморья, то герменевтика этих данных включала в себя три основных взаимодополняющих подхода.

1. *Герменевтика данных эпиграфики и печатей*. Примечательно, что Т. Моммзен, подавая в Прусскую Академию заявку на финансирование своего просопографического проекта, рассматривал план последнего как своеобразное резюме к шести уже состоявшимся выпускам (1869 – 1872 гг.) знаменитого Корпуса латинских надписей. Иначе говоря, для немецкого исследователя реализация нового грандиозного замысла представлялась возможной только после того, как inscriptions были достаточно сгруппированы по определенным стандартам, и достигнуто это было лишь к 1874 г. В предисловии к «Просопографии Римской империи» он отметил, что эпиграфический корпус способен заложить базу для многочисленных работ, которые позволят углубить понимание различных аспектов античности: от типов муниципальной организации, специфики армейских подразделений до религиозной практики и моральных стандартов больших масс людей, не говоря уже о нюансах развития языков, существовавших в Римской империи.

Подобные идеи Моммзена по сути быстро были экстраполированы и на восточно-римский материал, правда, иного рода. Типичный современный пример: для выявления византийских персоналистских данных XI–XII вв., с которыми работает PBW, сигиллография дает намного больше материала, чем для других периодов. При этом важно учитывать такой отрадный факт, что в первое десятилетие XXI в. резко возросли темпы публикаций и републикаций византийских печатей, в том числе и в России. Появились новые крупные публикации в «Studies in Byzantine Sigillography», периодическом издании, которое, как казалось в 90-е гг. XX в. не имело особых перспектив. Поэтому перед современными составителями византиноведческих просопографических сводов встает проблема учета не только всего старого материала (представленного, например, в работах Г. Шлюмберже, К. Константинопулоса и Ж. Лорана), но и реалий новых источников. Что касается давно известных печатей, то приходится заниматься ревизией неверного прочтения их легенд, а отсюда – головоломными вопросами их датировки. Авторы PBW вышли из такого рода трудно-

стей просто: они сосредоточились на новых публикациях и републикациях, лишь при необходимости обращаясь к старым.

2. *Учет изменения имперских территорий и их статуса.* Для поздней Римской империи, как известно, были характерны серьезные колебания в изменениях подчиненности территорий легитимным или нелегитимным властным структурам. Особенно значимым этот фактор становится при попадании провинций и диоцезов под власть варварских королей и дуксов. Схожая ситуация в классической Византии: с середины XI в. территория, непосредственно контролируемая центральной властью, сокращается, и возникает вопрос о характере формирования просопографических данных, о допустимости учета персоналий, бытовавших на расширяющейся неимперской периферии.

Составители «Просопографического лексикона палеологовского времени», как известно, пошли именно по последнему пути. Так же поступили авторы PLRE. Что касается PBW, то в ней территориальные рамки Византии – это рамки империи, созданные политикой Василия II, даже если после его правления крупные территории на востоке и на западе стали утрачиваться. Отсюда – учет материала областей, оказавшихся под контролем норманнов и сельджуков, хотя эта часть просопографии составляет более низкий процент материала, нежели тот, который дают центральные районы империи.

3. *Учет культурно-цивилизационных и лингвистических аспектов.* Для большинства территорий, входивших в понятие «поздней античности» был присущ источниковый билингвизм (если исходить из характера нарратива); иное дело – эпиграфика, представленная для запада Римской империи почти исключительно латынью, для востока – памятниками на греческих позднеантичных диалектах. С византийским материалом, особенно со времени усложнения культурной и лингвистической ситуации в «темные века», наоборот, возникает масса проблем.

Примечательно, что качественные сдвиги в византистике и ориенталистике (в том числе – методологические, связанные с применением инновационных подходов, характерных, например, для исторической антропологии или микроистории) побудили первыми именно специалистов по просопографии не рассматривать ту часть византийской ойкумены, которая плавно перетекала в культурно-географическую зону, которая именуется Ближним Востоком, в принципиальном отрыве от европейской (и не только балканской и южно-итальянской) сферы влияния империи. Например, редакторы PBW прямо признали, что ненормально использовать данные греческих и латинских источников как основные и цитировать их в оригинале, привлекая только в переводах иные языковые традиции (армянскую, арабскую и др.) для анализа персоналистских реалий XI и XII вв.

В этом отношении массу проблем для исследователей доставляет политико-цивилизационная ситуация крестовых походов, породившая сложнейшие коллизии в источниковых данных. Большинство мусульман и христиан времен пребывания крестоносцев в Восточном Средиземноморье, существовавшие там города и поселения, а также этнические группы, оказавшиеся на Ближнем Востоке в результате многочисленных миграций, становились в течение или короткого или более длительного срока подданными Византии. Пожалуй, только Иерусалимское королевство можно рассматривать вне византийской зоны влияния, да и то относительно. Поэтому, например, авторы PBW приняли решение включать в свою просопографию даже данные по Иерусалиму, тем более что в перспективе соответствующие районы придавали арабскому языку (а значит – и материалам, на нем составленным) статус, равный с греческим и латинским лингвистическим пластом источников.

Исходя из инновационных подходов к просопографическому материалу, редакторы современных сводов преследуют две общие для них цели. Во-первых, по возможности дать наиболее точную информацию о фиксируемых в источниках персонах, а не традиционные ряды статей, избыточных гипотетическими допущениями. Отсюда – расположение материала по «пакетам», содержащим единые, предельно строгие тематические структуры (характер и датировка источников, сообщающих о личности, происхождение лица, curriculum vitae, семья и т. д.)⁴. Такие структурные единицы при их электронной обработке могут быть сгруппированы по разным показателям (хронологическим, социальным, территориальным и т. д.), что даст возможность для важных, порой неожиданных обобщений⁵.

В итоге читатель может найти ответы на свои вопросы, не пробираясь через дебри избыточной информации, особенно если вопрос обращен к характеристикам достаточно большого числа личностей или их групп.

Вторая цель – базироваться, прежде всего, на сведениях источников и в меньшей степени – на специальной литературе. Особенно жестко данный принцип проводится в жизнь в PBW, где источники обрабатываются под заголовками, обращающимися к типу информации (например – нарратив, описание личности, родственные связи, место рождения и т. д.). Такие заглавия обозначены в проекте как factoids, композиционная функция которых – обеспечение вышеупомянутых информативных «пакетов»⁶. Сами биографические структуры при этом выявляются уже на втором этапе работы с информацией, в процессе первичных обобщений. Подобный метод, конечно, не устраняет концептуальной личной мысли авторов-составителей (хотя бы в характере выборки включаемых в «пакет» деталей), но достаточно минимизирует ее.

Опыт PLRE показал научному сообществу, и прежде всего, византинистам, что необходима жесткая структура базы данных, используемая в едином модуле для каждого источника. Каждый factoid должен был выглядеть как часть отчета, составленного по единым правилам. В каждом таком «отчете» предусматривались ранжированные детали, связанные с фиксируемой личностью, указание на тип информации, исходные ссылки на источники и иные данные – уже в зависимости от типа factoid-а. Например, для описания ситуации, связанной с личностью, или описания factoid-а информация, представленная в «пакете» должна была принять форму абзаца или параграфа на языке составителей просопографии. Такой параграф должен был раскрыть содержание того или иного factoid-а, необходимые датировки плюс какие-либо исходные дополнительные информационные группы (линии) на языке оригинала источника, чтобы пояснить или поддержать текст авторов заметки в ключевых его пунктах. Другой пример – factoids родственных отношений подразумевают наличие хотя бы еще одного человека, родственного описываемому; наличие это обязательно должно было подчеркиваться термином или группой терминов, фиксирующим эти родственные отношения на языке источников, а также на языке авторов заметки. Информация на этот счет, представленная одним-единственным источником (и даже единственным термином в нем) потенциально оказывается выполняющей функцию базы для нескольких последующих групп информации. Например, «свадьба» обычно обречена порождать по крайней мере ее *descriptio* и характеристику родства этих двух персонажей.

Когда источник прочитан и *separate data collection database* заполнена и проверена, она может быть использована для всей системы базы данных конкретного просопографического корпуса. Основная форма этого использования – идентификация аутентичного места для каждой детали информации о конкретной личности. Последующая стадия должна предусматривать сравнение личностей, мест, статусов и учреждений, сравнение с уже имеющимися информативными группами и объединение с теми из них, которые взаимосвязаны с новыми (вводимыми) данными. Именно после этого информация каждого factoid-а может быть встроена в отдельное, более высокого уровня *descriptio*.

¹ Eck, W. *The Prosopographia Imperii Romani and the prosopographical method* // *Fifty Years of Prosopography. The Later Roman Empire, Byzantium and Beyond*, A. Cameron. Oxford; New York, 2003. P.11.

² Ludwig C. *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit* // *Byzantium: Identity, Image, Influence. XIX International Congress of Byzantine Studies. University of Copenhagen, 18–24 August 1996. Major Papers* / Ed. C. Fledelius. Copenhagen, 1996. P. 430–434; Magdalino, P. *The contribution of prosopography: the Byzantine Empire or why prosopography? A question of identity* // *Fifty*

Years of Prosopography. P. 42–56; Smythe D. C. Byzantine identity and labelling theory // *Byzantium: Identity, Image Influence* / Ed. K. Fledelius and P. Schreiner. Copenhagen, 1996. P. 26–36.

³ Smythe D. C. Prosopography // *The Oxford handbook of Byzantine studies* / Ed. E. Jeffreys, J. Haldon, R. Cormack. Oxford, New York, 2008. P.456.

⁴ Наиболее выразительные результаты подобного способа обращения с материалом см.: Cheynet J.-C. Pouvoir et contestations à Byzance (963-1210). Paris, 1990; idem. L'aristocratie byzantine (VIII - XIII siècle) // *Journal des savants* 2000. № 2. P. 281-322; Erhart V. The Dumbarton Oaks Byzantine Bibliographical Database // *Medieval Prosopography*, 1996. Vol.17. T. 1. P. 213–222. Следует отметить, что подобный способ группировки материала предлагался еще в конце 70-х гг. XX в., правда, применительно к реалиям нового времени. См.: Genet J.-P. Die kollektive Biographie von Mikropopulationen: Faktorenanalyse als Untersuchungsmethode // *Quantitative Methoden in der Wirtschafts- und Sozialgeschichte der Vorneuzeit* / Ed. F. Irsigler. Stuttgart, 1978. S/67 – 69; Bulst N. Objet et méthode de la prosopographie // *Mélanges de l'École française de Rome. Moyen Age–Temps modernes*. 1988. T. 100. 1, La prosopographie. Problèmes et methods. P. 467-482.

⁵ См., например, методику просопографического анализа, предложенную А.П. Кажданом в двух его монографиях (Социальный состав господствующего класса Византии XI—XII вв. М., 1974; Армяне в составе господствующего класса Византийской империи XI-XII веков. Ереван, 1975), а также методы просопографических описаний, примененные К.Ф.Штрохекером (K.F. Stroheker. Der senatorische Adel im spätantiken Gallien. Darmstadt, 1970), Б. Арнхеймом (M.T.W Arnheim. The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire. Oxford, 1972) и Д. Мэтьюзом (J. Matthews. Western aristocracies and Imperial court AD 364—425. Oxford, 1985). В современном российском византиноведении подобная методика успешно реализуется А.А. Чекаловой (см., например, ее монографию: У истоков византийской государственности: сенат и сенаторская аристократия Константинополя IV - первой пол. VII в. М., 2007).

⁶ Ср.: Bulst N. Prosopography and the Computer // *History and Computing II* / Ed. P. Denley, S. Fogelvik and C. Harvey. Manchester, 1989. P. 12-19; Burnard, L. Primary to secondary: using the computer as a tool for textual analysis in historical research // *History and Computing* /Ed. P. Denley and D. Hopkin. Manchester, 1987. P. 228-233.

Ю. Н. Кряжев

Курганский государственный университет

ИСТОЧНИК КАК ОСНОВА ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

1. Историческое познание имеет целый ряд отличий, выделяющих его из процессов человеческой познавательной деятельности. К ним относятся не прямое, опосредованное отражение реальности, его (отражения) растянутость во времени, многоступенчатость, неповторимость, запаздывающий характер и т.д. Познание исторической реальности в этой ситуации с помощью строгих, верифицированных методов науки становится невозможным, что предполагает использование иных методов познания, напрямую связанных с художественным творчеством (реконструкция и т. д.).